

*Читателям, которые достаточно умны,
чтобы не использовать художественную
литературу как руководство к действию
в реальной жизни.*

От автора

«Одержимость» — первая книга дилогии в жанре темного романа с постепенным развитием отношений между героями. Бескомпромиссный любовный интерес и серая мораль героини, хранящей собственные мрачные секреты. Отношения между главными героями абсолютно *не* здоровы, и автор никоим образом их не оправдывает.

Если вы ищете сюжет с искуплением грехов и злодеем-который-на-самом-деле-душка, пройдите мимо. Оба героя — *настоящие* злодеи, каждый по-своему, и хотя в какие-то моменты вы можете забыть, что это *темный* роман, поверьте моему слову, очень скоро — буквально через несколько глав — вам об этом жестоко напомнят.

«Одержимость» — это история о медленно распадающейся страсти. В этой серии вас ждет множество темных, откровенных, извращенных сцен, но если вы надеетесь найти их уже на десятой странице, эта книга не для вас. В конце концов, терпение — это одна из добродетелей.

А тем читателям, которые все-таки готовы погрузиться в этот восхитительно темный мир — приятного чтения!

Предупреждение

- Тема самоубийства
- Сцены смерти/жестокости
- Попытка утопления
- Нездоровые/токсичные отношения
- Дисбаланс власти
- Злоупотребление властью
- Эмоциональная манипуляция
- Шантаж
- Сомнительное согласие (в сексуальных отношениях и вне их)
- Откровенные сексуальные сцены
- Тема БДСМ

Глава 1

Чтобы не блевануть, мне приходится собрать последние остатки сил.

Желудок балансирует на опасной грани, и стоит мне только *подумать* об этом...

Ты справишься.

Чтобы немного успокоить взбунтовавшийся желудок, делаю глубокий вдох, уговаривая себя, что доводилось есть кое-что и похуже этого, а затем сую в рот еще одну ложку с супом.

И все же умудряюсь не выплюнуть ее содержимое на пустой стол перед собой.

По вторникам в кафетерии подают гороховый суп — без глютена, без лактозы, без мяса (и другие диетические «без», какие только могут прийти в голову). По цвету он темнее блевотно-зеленого, по текстуре напоминает теплый йогурт, и я всегда съедаю его без остатка.

До последней капли.

Порция такого супа в два раза дешевле других вариантов обеда, так что я с отвращением запикиваю эту жижу в рот, стараясь не думать о слайсах пеперони, которые лежат через два столика от меня и прямо сейчас находятся под охраной команды по лакроссу. Или о той куче шоколадных маффинов, которые продает «марширующий оркестр» как некий благотворительный сбор средств для команды.

На мгновение в голову приходит мысль: а не стянуть ли кусочек пиццы?

А лучше шоколадный маффин. Ребята из оркестра не отличаются накачанными мускулами.

Даже в «салат-баре» было бы на порядок лучше, но я не могу позволить себе потратить три доллара на горстку листьев салата с соусом «Ранч» и с нулевой калорийностью, от которого в животе заурчит еще до того, как обед закончится.

— Вот черт!

Игроки в лакросс покатываются со смеху, глядя на то, как их вратарь пытается, словно тарелку от фрисби, зашвырнуть слайс пиццы на другой конец кафетерия, но промахивается мимо мусорного бака. Пицца падает со смачным *шлепком*, забрызгивая маслом и расплавленным сыром двухсотлетний дубовый паркет.

— Чувак, ты был *так* близко!

По правде говоря, совсем *не* близко. Фредди Рук промахнулся фута на три, не меньше, так что сомневаюсь, что в будущем ему светит стать звездой НБА.

Стыдно признаться, но этот кусочек пиццы — теперь уже вываленный в грязи и пыли — *все равно* смотрится аппетитнее, чем мой суп.

Бросок еще одного игрока из команды вызывает шквал аплодисментов и улюлюканья от остальных парней, сидящих за столом, и я на миг задаюсь вопросом, приходилось ли кому-то из них хоть раз в жизни расплачиваться за свою еду монетками по пять и десять центов. Или вообще пропускать завтрак или обед.

Я разглядываю выброшенную пиццу.

Нет, это вряд ли.

В Лайонсвуде деньги редко появляются иначе, чем в виде глянцевой, сверкающей черной карты.

Раз уж речь зашла о потребительстве.

Держа в руках какой-то изысканный салатик, Софи Адамс проскакивает мимо меня и занимает

место за одним из больших деревянных столов в самом центре кафетерия. Она одета в такую же темно-синюю плиссированную юбку и белую рубашку на пуговицах, что и я, но на ее невероятно стройной изящной фигурке этот наряд смотрится как будто совершенно по-другому.

Иногда меня удивляет, почему она не сминается, как бумажная салфетка, под тяжестью своего рюкзака «Бёрберри».

— Никак не могу решить, — вздыхает Софи, обращаясь к девочкам, которые сидят по обе стороны от нее. Она ковыряется в своем салате с энтузиазмом домашней кошки, которая перебирает вчерашний сухой корм. — Из-за всех этих стрессов у меня уровень кортизола зашкаливает. Я *чувствую*, что уже на грани нервного срыва.

Ее голос звучит так, будто она сидит через два стула, а не через два стола от меня. Это единственный плюс свободного уголка кафетерия, который я для себя облюбовала: сюда как магнитом притягиваются все звуки.

Даже если бы я встала у них за спиной и дышала им в затылок, подозреваю, что большинство из этих детишек даже не заметили бы меня — или им было бы *плевать*.

Я призрак.

Живой, дышащий призрак.

Абсолютно невидимый, но все же потакающий прихотям собственного желудка.

— Софи, оба платья будут на тебе потрясающе смотреться, — подает голос Пенелопа, которая сидит по правую руку от Софи.

За последние четыре года Пенелопа освоила впечатляющий навык: искусство говорить, на самом деле не произнося ничего внятного. Это позволило ей шагнуть на высшую ступень — в ближний круг Софи.

К тому же вся ее семья — это сборище адвокатов по публичному праву и по клевете.

— Ну это *очевидно*, — зло рывкает в ответ Софи и смахивает непослушную прядь золотисто-каштановых волос, упавшую на лицо. У Софи точеные скулы, пухлые губы и большие зеленые глаза, которые лучше всего подошли бы кукле Братц.

Но это же Лайонсвуд, колыбель победителей генетической лотереи, местечко лучших в мире пластических хирургов. Можно устраивать викторину, угадывая, от кого какие черты достались.

— Мне больше понравилось платье от «Прада», — с другой стороны влезает в разговор Ава. — Оно секси. И твою фигуру отлично подчеркивает.

Отец Авы управляет какой-то китайской технологической компанией, но мать — знаменитый стилист, так что ее мнение для Софи значит больше.

— Ну кто бы сомневался, — говорит Софи. — Кожа — это же *твой* стиль.

Конечно, я редко видела Аву Чен не в школьной униформе, но ее глянцевые черные волосы, прическа «боб», густо подведенные глаза и ботфорты на платформе не оставляют места для сомнений.

— Тут речь не о том, чтобы просто хорошо выглядеть, — продолжает Софи. — Главное — какое платье понравится Адриану. — Она округляет зеленые глаза, как будто только что открыла страшную тайну. Можно подумать, это для *кого-то* сюрприз, тем более для ее подруг.

Думаю, большинство нарядов Софи — и, вероятно, еще половины учениц — тщательно подбираются с учетом мнения Адриана Эллиса.

— Ты могла бы просто спросить у него, — заявляет Пенелопа. — Знаешь, некоторым парням это нравится. Подбирать наряды своей девушке, — произнося это, она одаривает Софи невероятно ослепительной

улыбкой, демонстрируя жемчужно-белые виниры, которые подарили ей родители на предстоящий выпускной.

Хотя такое лучше не говорить. Я это знаю, и Софи это знает. Она резко поворачивается к Пенелопе и прищуривается.

— Я не могу просто *спросить* у него. Если Адриан подумает, что я наряжаюсь только ради него, это выставит меня отчаявшейся и навязчивой. Парням такое *не* нравится.

У Пенелопы хватает наглости изобразить смущение, но этот спектакль в прайм-тайм внезапно прерывается, когда какой-то игрок в лакросс случайно задевает локтем мой поднос и опрокидывает чашку с водой мне на темно-синюю юбку.

— Эй, — кричу я, но парень уже топает к своему столику, не подозревая о том, что только что облил мне бедра ледяной водой.

Бр-р. Прекрасно.

Вода уже начинает впитываться в юбку и плотные колготки.

Внутри меня клокочет раздражение, пока я остервенело пытаюсь убрать пролившуюся воду хлипкой салфеткой, которая лежала на подносе. Вернуться в общежитие и переодеться уже не успеваю, так что придется идти на историю с огромным мокрым пятном.

Я свирепо сверлю затылок удаляющегося игрока в лакросс. Этот мудака даже не заметил.

— Вот, возьми, — раздается голос рядом со мной. — Я захватил немного салфеток про запас.

Поднимаю голову, удивленная тем, что кто-то вообще заметил этот инцидент.

— Спасибо, Микки.

— Не за что. — Пока я вытираю влажное пятно, Микки Мейбл неловко топчется рядом, выглядя так,

будто хочет оказаться где угодно, только не здесь. Это высокий неуклюжий парень, с руками, слишком длинными для темно-синего пиджака, и копной кудрей, с которой, похоже, ему никак не удастся справиться. — Вообще-то, Поппи, я рад, что застал тебя до того, как кончился обед.

Мне с трудом удастся скрыть удивление. Не помню, чтобы кто-то *когда-то* был рад меня здесь застать.

— Не знаю, видела ли ты e-mail, но декан Робинс перенес презентацию стипендии, — объясняет он. — Он хочет провести ее сегодня.

Гороховый суп, булькающий в желудке, делает сальто.

— Сегодня? — Нет, я совершенно точно *не* получила e-mail.

Поспешно хватаю телефон, листаю и вижу, что Микки говорит правду: декан перенес презентацию стипендии, проводимую раз в два года, на сегодня, на шесть вечера, в актов^{ый} зал.

Предполагалось, что презентации — это формальность. Мы с Микки устраиваем для преподавателей песни и пляски, чтобы доказать, что не растрчиваем бездарно свои стипендии на пьянки и гулянки.

Но в первую очередь эти встречи служат напоминанием.

Потому что, пусть мы с Микки, возможно, единственные студенты в стране, имеющие достаточно высокие баллы SSAT¹, чтобы получать полную стипендию в Лайонсвуде, мы *по-прежнему* изгои, которые должны доказать, что заслуживаем быть здесь.

---

¹ Secondary School Admission Test — стандартизированный образовательный тест для школьников в США, по результатам которого приемные комиссии принимают решение о зачислении кандидата в престижные учебные заведения.

Эта часть семестра у меня самая нелюбимая, и, несмотря на то что мы с Микки уже шесть раз проводили презентации, жуткий мандраж дает о себе знать.

Микки переминается с ноги на ногу.

— Да, насчет изменений в расписании. Свою часть я сделал в PowerPoint, она готова, так что мне просто надо, чтобы ты доделала свою. Как думаешь, получится у тебя, скажем... желательно до 17:59? И на этот раз без опечаток? — Я вижу, что он старается не выдать раздражения, но оно все равно то и дело проskalъзывает в голосе.

Мы оба знаем, что на этих презентациях я — вечно слабое звено.

Я натянуто ему улыбаюсь.

— Ага, не волнуйся, Микки. Уверена, что смогу вовремя доделать.

При условии, что начну сразу после обеда.

Все в порядке.

Все в полном порядке.

В любом случае эту презентацию пришлось бы доделывать через неделю.

— Ладно, — кивает он и в кои-то веки, кажется, нервничает из-за этой презентации больше меня. — Спасибо.

— Да не за что.

Я гоняю горошину по тарелке, а потом прочищаю горло.

— Слушай, на той неделе задание по истории оказалось таким сложным, да? Я думала...

— Пойду возьму себе что-нибудь поесть, пока кухню не закрыли, — перебивает он меня. — Поппи, увидимся вечером.

А затем Микки бросается прочь от меня так, будто я приставлю пистолет к его виску и заставлю со мной болтать.

Я давлю горошину ложкой.

Я не виню Микки за то, что он динамит меня, как и все остальные. В любой другой ситуации для дружбы недостаточно было бы быть выходцами из таких, как у нас, семей — пользователей купонов, — но здесь... Раньше я думала, что это сделает нас друзьями.

Пара наивных первокурсников, которые будут присматривать друг за другом в кишачих акулами водах.

Вот только Микки удалось освоиться в этих водах гораздо лучше, чем мне. Если не приглядываться особо, можно представить, что он один из них.

А то, что он крутится возле меня, дает обратный эффект.

Всего один год.

Я смогу пережить здесь еще один год.

Я так и сижу расстроенная, как вдруг распахивается дверь кафетерия, и в помещении как будто все разом замолкают, когда на пороге появляется золотой мальчик Лайонсвуда.

После четырех лет обучения мне следовало бы уже привыкнуть к тому, что присутствие Адриана Эллиса привлекает к себе столько внимания, но это по-прежнему кажется сюрреалистичным. Все ученики поворачивают головы в его сторону. Разговоры затихают. Люди прекращают жевать.

На это развлекательное мероприятие можно было бы билеты продавать.

— Привет, Адриан! Мы же увидим тебя в эту пятницу?

— Адриан, волосы у тебя сегодня отлично уложены. Ты какими средствами пользуешься?

— Адриан, присаживайся к нам!

— Я видела тебя на прошлой неделе, Адриан! Ты был великолепен!

— Адриан, могу я угостить тебя обедом?

Если его и смущают похвала и восхищение, то он никоим образом этого не показывает. Скромно принимает комплименты, по очереди ко всем подходит, желает удачи команде по лакроссу и шутит с ребятами из театральной студии. Спрашивает Родди Лока, как проходит его реабилитация после перелома ноги. Заворачивает к шоколадным маффинам, берет один и опускает пятьсот баксов в коробку для пожертвований.

— Большое спасибо, Адриан! — Дети из «марширующего оркестра» смотрят на него разинув рты. Это все равно что узреть наяву саму мать Терезу Лайонсвуда.

Кто-то из ребят пытается всучить ему полную корзину шоколадных маффинов, но он только слегка улыбается и качает головой.

— Нет, все нормально. Я просто хотел поддержать команду. — Даже голос у него раздражающе идеальный — низкий и мягкий, как бархат на коже.

— Адриан! — на этот раз голос Софи звучит громче других. Она с улыбкой манит его к себе пальцем. — Поешь со мной?

Все сидящие за столом, в том числе сама Софи, пересаживаются на соседние места, освобождая для Адриана одно место в центре.

— Конечно, — кивает он и направляется к ней со всей уверенностью человека, который понимает отказ на чужом примере, но не на собственном.

Когда он садится рядом с Софи на предложенное место и закидывает одну длинную ногу на другую, она сияет, как рождественская елка. Он такой высокий, и я могу только представить, как Адриан упирается коленями в столешницу, но ему удается сделать это так же грациозно, как и все остальное.

Я никогда не была очарована Адрианом Эллисом — определенно не до такой степени, чтобы пред-

лагать *купить* ему обед, — но все же не могу сказать, что у меня к нему абсолютный иммунитет.

В конце концов, у меня есть глаза, а «красавчик» — уж больно неподходящее слово для Адриана Эллиса.

Он так прекрасен, что у меня зубы сводит.

Темные вьющиеся волосы, волнами лежащие на затылке, длинные густые ресницы и чертовски точеный подбородок — все это само по себе опасная комбинация, но в сочетании с его телосложением пловца, приобретенным за годы на посту капитана сборной Лайонсвуда по плаванию, его внешность просто убийственна.

Аристократ, которого можно узнать не только по «Ролексу» на запястье, но и по форме носа.

К тому же он Эллис, и даже в школе, наводненной детишками-мажорами с трастовыми фондами, он играет в своей собственной лиге. Он один процент от одного процента от одного процента, что означает, что Адриан унаследует больше, чем сам бог.

Так что я вообще не могу винить учеников за то, что они любыми способами пытаются снискать его расположение. Однако, несмотря на внешнюю привлекательность и богатство, в Адриане Эллисе есть нечто, что вселяет в меня тревогу.

Его глаза.

Казалось бы, человек, который постоянно волонтерит в местной больнице, возглавляет школьный комитет по противодействию буллингу и, возможно, — откуда мне знать, от него всего можно ожидать — в свободное время лазит по деревьям и кошек спасает, должен иметь теплые, добрые глаза, которые отражают его альтруистический образ жизни.

Но это не так.

Глаза у него пусты.

Лишены доброты, света, даже искры человечности и тепла и такие темные, что становится страш-

но. И если предполагается, что глаза — зеркало души, с моей точки зрения, в душе Адриана абсолютно пусто.

— Адриан, с нетерпением жду твоей вечеринки в эти выходные, — придвигаясь ближе к нему, мурлычет Софи и сжимает его бицепс. Наверное, это должен был быть жест любви, но с ее острыми акриловыми ногтями больше похоже на то, как хищница когтями вцепляется в свою жертву. — Вообще-то, я собиралась, как в прошлом году, в «Адамс Банкет Холл». Мы были в Лондоне. Знаешь, там была моя кузина. Герцогиня Камилла.

Точно.

Герцогиня Камилла.

Она приходится ей *троюродной сестрой*, и, какой бы сомнительной ни была ее родственная связь с британской монархией, Софи никогда не упускала возможности покрасоваться этим фактом перед другими учениками.

Еще в течение несколько минут она перечисляет свои навыки по организации вечеринок, и Адриан разыгрывает достойный «Оскара» спектакль, делая вид, что ему не все равно.

Может, у меня просто разыгралось воображение — парень явно святой.

Я без особого желания засовываю в рот еще одну ложку с супом, наблюдая, как Микки берет поднос и шагает напрямик к столику Софи. Стол до отказа занят лучшими и умнейшими учениками Лайонсвуда, и, судя по всему, никто не собирается подвинуться, чтобы пустить за него Микки — до тех пор, пока не вмешивается Адриан.

Махнув рукой, он подзывает Микки, и люди начинают двигаться, меняясь местами — как будто это игра «Музыкальные стулья», — пока не освобождается достаточно пространства, чтобы Микки мог

втиснуться. Софи тоже пересаживается, и ее улыбка меркнет, но с Адрианом она не спорит.

И никто не спорит.

В этом месте его расположение — золотой билет, и, хоть я понятия не имею, что такого сделал Микки, чтобы его заслужить, мне остается только радоваться, что у одного из нас это получилось.

Мне нужно продержаться еще один год.

Я смотрю на поднос Микки и с удовлетворением замечаю, что он тоже ест гороховый суп.